

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Франц Верфель

Верди

Роман оперы

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
В35

Перевод с немецкого Н. Д. Вольпин

Верфель, Ф.

В35 Верди. Роман оперы / Ф. Верфель; [пер. с нем. Н.Д. Вольпин]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 502 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74356-8

Оперы самого популярного композитора XIX века Джузеппе Верди пользовались оглушительным успехом при жизни и сохраняют свою популярность по сей день. «Отелло», «Аида», «Травиата», «Риголетто», «Разбойники» вошли в золотой фонд мировой музыки, арии из них исполняются на всех сценах мира.

Но каким был этот великий композитор? Почему его творчество вдохновляло многих современников, связавших свою жизнь с революциями и войнами за независимость? В чём загадка его легендарной и многолетней вражды с Вагнером, и кто она – та самая таинственная красавица, ставшая его музой в последние годы жизни?

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC014000

© Т8 RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
ISBN 978-5-521-74356-8
© Перевод. Н. Д. Вольпин, наследники, 2018

ОТ АВТОРА

План этой книги был намечен еще двенадцать лет тому назад. Но написание ее все отодвигалось. Колебания художника действовали парализующе: колебания, какие неизбежно возникают при создании исторического повествования. Оно разворачивается в двух плоскостях — поэтической и исторической, в вымышленном мире и в мире исследуемой действительности. Уже отсюда легко возникает дисгармония.

Эта дисгармония тем резче, чем ближе к нам время действия повествования. А уж когда изображается вчерашний день, который слишком многие пережили сами, читатель бывает вдвойне щепетилён, — и беда, если автору изменяет чувство правды.

Но труднее всего устранить дисгармонию, когда создается роман, посвященный человеку искусства. При изображении людей, углубленных в себя, прославленных гениев, при изображении творческих процессов легко сбиться на фальшь, гиперболу, фразу. Здесь писатели немало погрешили.

Но никогда не следует бояться опасностей чисто эстетического порядка. Нужно только доказать на деле, что их нет. Причина долгого промедления лежит много глубже. Она в самом герое повествования.

Человек, который всегда боялся публики, называл газеты бичом своей эпохи, объявил беззаконием посмертное печатание писем; который (по словам Россини) потерял в Париже все шансы на успех, потому что гнушался наносить визиты; который жил в своей усадьбе, как в неприступной крепости, — такому человеку выступить героем романа! Разве не стал бы он всеми силами от этого отбиваться?

Любовь, воодушевление, неизменная страсть к его музыке, одержимость ею, углубление в его творчество, жизнь, человеческую личность — все это в конце концов победило. Правда, он сдался лишь на известных условиях. Как в старых книгах предисловие вызывает к снисходительности читателя, так в этой работе приходилось просить снисхождения у строгого героя, который не потерпел бы и ничтожного посягательства на свою правду. Однако и точнейший биографический материал, все факты и противоречия, толкования и анализы еще не составляют этой правды.

Мы должны добыть ее из всего этого, — да, создать ее сперва, более чистую, подлинную правду, правду мифа, *сказание о человеке*.

Маэстро сам высказывается за нее, когда в одном своем письме приводит тайну искусства к следующей великолепной формуле: «Отражать правду, может быть, и хорошо, но лучше, куда как лучше, правду создавать...»

Брейтштейн,

Ф.В.,

лето 1923 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНЦЕРТ В ТЕАТРЕ ЛА ФЕНИЧЕ

Лунное таинственное марево волшебного теплого сочельника, стелясь по воде, проникало в портал театра Ла Фениче и озаряло мрачный вход в длинный коридор, который вел прямо к ярко освещенному фойе; у окрашенной в медную ярь стены, недвижимые в черноте канала, поодаль от лестницы и свай выстроились вдоль набережной несколько гондол.

Гребцов, которые вообразили было, что им удастся послушать оперу, и прокрались вслед за господами в надежде насладиться пением через щелку или даже с бесплатных стоячих мест, постигло разочарование. Оркестр (все музыканты в черных парадных костюмах) исполнял нескончаемую, громко-скудную музыку. И музыка эта шумела ради десятка другого слушателей. Неужели сейчас, в декабре месяце, в пору *stagione*,¹ нельзя было исполнить что-нибудь получше!

Гондольеры давно уже сидели в одной из таверн на Кампо дель Театро. Время от времени кто-нибудь из них вставал посмотреть, не кончилась ли эта канитель. Впрочем, по части музыки они не остались внакладе. У открытой двери соседнего кабачка примостился инвалид в порыжелом мундире давно забытого покроя и зажал в коленях маленькую виолончель на высоком шипу. Жалобно пела под его смычком о горькой своей судьбе средневековая гамба, неведомым путем забредшая в современность. В таверне, где смеялись и спорили ожидавшие, подвизались два уличных певца: мальчишка с мандолиной и слепая старуха с пустыми страшными глазницами и

¹ Театральный сезон (*итал.*).

пронзительно звонким тенором. Прибавьте к этому, что почти все прохожие, пересекая площадь, напевали обрывки какого-либо мотива, мурлыкали, насвистывали, что из хлопавших дверей то и дело вырывались наружу мелодические крики, зовы, смех и что каждые четверть часа со всех колоколен обрушивался в эту ночь на Венецию благоговейно взволнованный звон.

Над главным порталом большого блистательного театра, где красуется лазурно-золотой эмблемой поющий лебедь, пламенел газ в двух огромных матовых шарах. Золотая решетка у входа была не заперта. Перед ней не дежурил сегодня человек в золотых галунах, и даже продавцы либретто, которые обычно в продолжение всего спектакля своим неистовым «Libri dell' opera! Libri dell' opera!»² оглушали стоявший напротив невозмутимый собор, сегодня отсутствовали.

На широких мраморных ступенях, ведущих из большого фойе к ложам, играли отсветы открытых, горевших в чашах или за решетками огней.

Преувеличенно резкая тень покрыла обе ниши, где стояли свидетели былых времен: в правой — белая печь в стиле ампира, в левой — громадная презрительно-насмешливая голова Джоаккино Россини, «воздвигнутая иждивением общества» в 1869 году.

Две сверхэлегантные дамы в кружевных мантильях на завитых головах — точно собрались на торжественную папскую мессу — смущенно и нерешительно вошли в пустое фойе. Как спокойно входили они обычно в это здание к концу первого акта, потому что опоздание считается у знати хорошим тоном. Но сегодня они встревоженно и торопливо пошептались, оттесняя друг дружку от зеркала, подправили локон, припуд-

² Брошюры с текстом оперы, либретто (итал.).

рили щечку, повертели боками и наконец, никем не задерживаемые, подобрав длинные юбки, взбежали по лестнице и скрылись в ложах бенуара.

Теперь торжественно освещенное фойе и вовсе опустело, и буфет в глубине стоял без надзора, хотя там можно было видеть стройный ряд бокалов с шампанским и блюда с закусками — все явно не на продажу. Отчетливо слышалось в глубокой тишине гудение газовых фонарей. Только время от времени сквозь плотную обивку прорывалось *tutti* оркестра: одиночные угрюмые аккорды, — как бывает, когда неслышный разговор в соседней комнате, вдруг переходит в спор и перемежается запальчивыми дерзкими словами.

Зато длинный коридор, ведущий от вестибюля к Каналь-ла Фениче, освещали только три керосиновые лампы над запасными входами. Темный, тянулся он вдоль исполинского корпуса зрительного зала и сцены, который, казалось, висел подобно морскому паруснику в доке. Две лесенки вели к входным дверям с круглыми оконцами, откуда лучом летнего дня глядел в темноту зеленовато-желтый праздничный свет. В щели можно было также разглядеть конструкцию подполья сцены, где при свете подслеповатого фонарика пожарный предался своей апатической профессиональной грусти.

В полумраке коридора гулками шагами прохаживался старый человек в темно-зеленой ливрее театрального служащего. У него была седая раздвоенная борода а-ля Франц-Иосиф, нарочно изобретенная для того, чтоб она не прикрывала на груди ордена и всякие знаки отличия. Такая борода была здесь не в редкость среди стариков, ибо рассказ наш относится к 1882 году и со времени освобождения Венеции и объединения Италии протекло лет десять с небольшим.

Старик возбужденно и угрюмо разговаривал сам с собой.

Казалось, он был недоволен своею сегодняшней службой. Шумно шагая взад и вперед, он точно решил повысить протестом собственное значение, показать людям в зале, что он на посту, и в затаенной злобе всячески мешать игре. Вдруг он поднял голову; его сутулая фигура стала внушительной, и с важной медлительностью полицейского, направляющегося к месту происшествия, он двинулся навстречу господину, который спокойно шел по коридору.

– Нельзя сегодня! *Ingresso*³ воспрещается! Здесь частное празднество.

Остановленный таким порядком господин был в темно-коричневом пальто и держал в руке черную широкополую шляпу. Он спокойно остановился перед ливреей и поднял на ее носителя спокойные, очень синие, чуть влажные глаза, взгляд которых как будто вернулся из блужданий в дали. Эти смелые, рассеяннo-мечтательные глаза затенял сильно выпуклый лоб, и выражали они не досаду, а легкое удивление, что кто-то отважился задержать его. Несмотря на нестриженую короткую бороду, почти сплошь серебряную, на мягкие, юношески густые волосы — они красивыми завитками падали на большое, пластичное и все-таки жадно раскрытое ухо, — несмотря на то, что эти волосы добела посерели, никому не пришлось бы в голову сказать, что перед нами старик.

Этому противоречил в меру высокий, экономно, как корпус скрипки, сложенный стан, изящный, дышавший под платьем той спокойной непринужденностью, которая в десять раз убедительней говорила о молодости, чем могло бы ее доказать нарочитое напряжение. Большой горбатый обгорелый нос, сложная система складок и складочек вокруг глаз, поминутно щурившихся даже в темноте — словно бы на вообража-

³ Вход (*итал.*).